

РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОЦИУМА КАК ОСНОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОЗНАНИЯ

И.А. Вальдман

Новосибирский государственный
технический университет

veritasnostra@mail.ru

В статье рассматривается проблема рефлексии исторической динамики социума в современном гуманитарном знании. Показывается, что в современном гуманитарном знании широко представлены тенденции к имитации познавательной деятельности, что находит свое выражение в редуцировании реальной понятийно-логической сложности теоретических описаний социальных феноменов. Такая редукция порождается, помимо прочего, фактическим игнорированием принципа историзма в характеристике изучаемых объектов. Прежде всего, игнорируется качественная изменчивость социальных явлений, выявлению которой и должна служить специальная рефлексия их исторической динамики. В работе предлагается способ преодоления таких кризисных имитативных тенденций в рамках последовательного осуществления социокультурного познания на основании принципа историзма, где любой феномен должен быть теоретически описан в целостном процессе собственного внутреннего развития. Поскольку любой социальный объект в каждый момент своего существования представляет собой снятый результат процесса собственного генезиса, последовательное категориальное описание динамики его развития как качественного становления через внутренне несводимые друг к другу состояния (стадии) позволит действительно реализовать заявляемые в социокультурном подходе познавательные принципы. Предлагаемое решение строится на основании социально-философской рефлексии особенностей исторического познания социума как динамической системы.

Ключевые слова: историзм, историческая динамика, социокультурное познание.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-81-86

Социокультурное познание, или познание социальной реальности в рамках социокультурного подхода, является сегодня распространенным методологическим интегратором мультидисциплинарных знаний в широком спектре исследований и обоснований тех или иных социальных практик. Социокультурный подход стал закономерным результатом развития социально-гуманитарного знания XX века, выразившим фундаментальные интуиции о сущностной взаимосвязанности культуры и социальности. Основы данного подхода можно видеть еще в работах П. Сорокина, указывающего на неразрыв-

ную связь личности как субъекта взаимодействия общества и культуры, как совокупности «значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупности носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [4, с. 218].

Социокультурный подход характеризует культуру как духовное измерение всякой деятельности, в котором формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности. В этом понимании культура предстает как «духовный компонент совокупного производства, обеспечивающий поддержание и изменение этого производ-

ства и общественных отношений в целом» [3, с. 24]

Культура общества не может быть понята исходя только из его актуальной структуры, где функционирование тех или иных элементов, понятых в рамках универсализированной европейской модели, не учитывает истории ее формирования с опытом последовательности и соотношения реализованных и нереализованных, предпочитаемых, ожидаемых и, наоборот, недопустимых преобразований. Культура включает в себя специализированную символическую сферу, где осуществляется специфическое для данного социума представление противоречий социальной деятельности и создаются противоречия на знаковом уровне. Знание представляет собой содержание общественного сознания, знаковое определение социальной деятельности, признанное «реальным». Признание «реальности» и допустимости знания характеризует существующие формы явного и латентного контроля социума над условиями собственного воспроизводства и развития.

Любой социальный процесс может и должен рассматриваться как «социальный продукт и процесс деятельности, если понимать продукт как процесс в его ограниченности прошлым. Всякий продукт есть прошлый процесс, как он дан настоящему» [6, с. 128]. Вовлеченность всякого продукта в живую деятельность опосредована сознанием. Поэтому то, как именно, в какой момент, с какими характеристиками осознанно нечто как в определенной степени совершенный и завершенный, реализованный процесс, зависит от существующей культуры, форм и уровня развития общественного сознания, участвующих групп, «объективных мыслительных форм» [6, с. 251–252]. Само существо таких объ-

ективных мыслительных форм подвергается проверке на специфическую эффективность, а также необходимым соответствующим изменениям в меж- и внутрисистемном взаимодействии. Его качественная специфика проявляется в способностях и механизмах накопления [6, с. 129] культурных изменений – знаковых и деятельностных, живых и опредмеченных.

Сложное гуманитарное знание, выраженное в понятиях, в принципе несводимо без существенных потерь к упрощенным элементам и смыслам обыденного языка. В то же время мистификация понятий может служить только одной из форм создания стимула к их целостному познанию и не приводит в освоению их рациональной основы. Следовательно, необходимо обратить особое внимание не на элементы, до которых можно было бы редуцировать понятие в ходе его объяснения, а на тот дискурс, который должен включать это понятие как органическое средство анализа наличной проблематики и синтеза сложных смысловых блоков. Что же представляют собой понятия в рамках такого дискурса?

В силу своей социальной природы никакая рефлексия собственного состояния субъекта и общества не может выявить реальные движущие силы, причины собственной деятельности и эволюции. Прежде всего, в силу **компенсаторного характера собственной деятельности** (в том числе и самой рефлексии) по отношению к реальным причинам. Под компенсаторностью понимается направленность на **снятие** некой «проблемной» ситуации во взаимодействии с внешним миром, т. е. на снятие той или иной обусловленности продолжения существования социального организма в настоящем и будущем.

В то же время для реального анализа социокультурных феноменов явно недостаточно ограничиться выводом о «герменевтической ситуации» с ее множественностью интерпретаций, где ни одна не может быть истинной, но **ничто** (непонятно что и в каких пределах) познается в ходе их **диалога** (не ясно, как именно организованного). Подобный подход приводит к **рядоположности, несоотнесенности, как бы равноценности, равнозначности** различных интерпретаций, когда необходимый в системе социальной деятельности выбор одной из интерпретаций делается только с опорой на случайность или субъективность субъекта выбора, где определяющим фактором является что угодно (чаще – индивидуальная компенсаторность), кроме самого отрефлексированного содержания данных интерпретаций или их соотношения. Такое положение ведет к утрате социально-философского смысла теоретической рефлексии как средства познания и регулятива в системе социальной деятельности и, скорее, имитирует познавательную деятельность, результат которой успешно легитимизирует и имитации в деятельности практической.

Современное общество оказалось пораженным имитациями на различных уровнях, когда *изображение и внешнее подобие* деятельности или ее результата важнее самой деятельности и реальных результатов, при том что внешнее подобие еще и выдается за саму имитируемую деятельность или реальность. Сейчас можно наблюдать, как избыток имитаций в жизни общества может приводить уже к нарушениям самой реальной жизнедеятельности, в том числе тогда, когда вместо реального развития социуму *предъявляется и вменяется* имитация развития [2, с. 46].

При рассмотрении возможных путей по преодолению данного положения будет необходимо учесть несколько факторов.

1. Социальный характер рефлексии:

- направленность на определенную деятельность (которая является причиной данной рефлексии, а рефлексия выступает регулятивом в ее последующих стадиях);
- генетическая связанность существования определенного социума во времени и пространстве (что проявляется в его истории, геополитическом положении);

- Я как субъект рефлексии прежде всего является субъектом в социуме и «реально» связан с системой социальной деятельности в собственном обществе, чьи реальные движущие силы и механизмы он и может пытаться раскрыть через себя как материал (используется **самоданность** и **самопознание**). Познается не «сущность» себя или чего-то внешнего, трансцендентного, но их соотношение, что и является основой для деятельности и выбора.

2. Ничто не может быть объяснено (интерпретировано) одним только состоянием изучаемого объекта – необходим показ динамики генезиса с **соотношением** нескольких срезových описаний в рамках избранной интерпретации. Иначе – в статике – **любое** состояние есть результат **любой** причины. Давно замечено, что исторический предмет, мыслимый как покоящийся, есть лишь результат абстракции. На самом деле он пребывает в постоянном внутреннем движении и, таким образом, в движении по отношению к другим объектам, находится в потоке становления.

3. Всякая теоретическая модель должна иметь опосредующие ее уровни адаптации для анализа конкретного материала [1, с. 68].

Такой подход может быть – конечно, со всей условностью – обозначен как «методологический историзм».

Историзм, в целом давно признанный как один из важнейших принципов построения как мировоззрения, так и социальных наук, тем не менее не раз подвергался в XX веке как различной критике, так и попыткам нового обоснования (см., например, [5]). Под этим термином зачастую понимается неодинаковое содержание, но наиболее существенными его элементами можно рассматривать следующие:

1) историческое развитие общества в целом и его отдельные феномены является процессом *более сложным*, чем протекание других процессов, в неживой и живой природе и в среде существ, не обладающих развитыми *социальностью и сознанием*;

2) требование рассматривать любое явление как феномен в контексте своей эпохи, в ее категориальном ряду, не модернизируя историческое описание;

3) описание и *объяснение* любого феномена должно исходить прежде всего из процесса его исторического генезиса (происхождения);

4) историческое развитие не является случайным, но подчиняется законам того или иного рода;

5) на основании познания законов развития необходимо уметь строить научно обоснованные прогнозы дальнейшего развития исторических феноменов (того или иного масштаба).

Понятно, что этими пунктами историзм во всех его вариантах не исчерпывается, да и эти пункты могут в различных трактовках иметь внутреннее противоречие и не полностью приниматься авторами. Тем не менее всё наше знание есть полученный *в прошлом при исторически определенных услови-*

ях и при определенных условиях проинтерпретированный опыт, что не позволяет описывать ни один его элемент без уяснения сущности этого познавательного взаимодействия, не говоря уже о собственно исторических и социальных сюжетах (ведь общество всегда находится в состоянии воспроизводства, генетической преемственности в различных стадиях, вплоть до прекращения существования). Поэтому историзм может иметь как общеметодологическое значение, так и более специальное, в применении к историческим, социокультурным, мировоззренческим проблемам.

Социокультурное познание на основании историзма должно показывать любой феномен в развитии, выявляя в рамках этого **целостного** процесса то, **что появилось** на некоем данном этапе в сравнении с предыдущим, **в движении от предыдущего**, сравниваемого. Познание развития социума действительно является проблемой в историческом и, собственно, социокультурном исследовании. Суть ее в том, чтобы показать что-то как изменяющееся и в то же время тождественное самому себе. При этом необходимо уловить и момент изменения, приводящий к качественным преобразованиям исторического феномена, что требует выделения определенных критериев и описания механизма взаимоперехода явлений. На это указывает Э. Трельч, критикуя спенсеровскую концепцию «эволюции». Он подчеркивает, что развитие – не просто изменение, а некоторое **становление**, близкое к идее «нарастания ценности» немецкой исторической школы. Становление предполагает выделение чего-то как «смысла» и его последующее развертывание, углубление в историческом движении, причем вовсе не обязательно прямолинейно, но с различными откатами и изломами.

Таким образом, ни один исторический феномен не исчерпывается каким-либо своим текущим состоянием, но обладает истоками в прошлом и завершением в будущем, и его «смысл» может быть охвачен лишь в совокупности стадий. Поэтому в концепции самого Трёльча «единение тотальности может происходить как становящееся, как предстающее в своем развитии» [5, с. 48].

Содержание «методологического историзма», таким образом, должно заключаться в следующем. Никакая теоретическая модель не может применяться для объяснения, описания (интерпретации) изучаемого объекта (прежде всего социального) **непосредственно**. Обязательным является описание с точки зрения данной модели генетически предшествующей данному состоянию стадии развития (очевидно отличающейся от данной), начиная как минимум с описания формирования (генезиса) этой предшествующей стадии (и исчезновения, ухода **предыдущего** состояния). То есть как минимум «на два хода назад» в прошлое изучаемого объекта. Далее, необходим показ непосредственно связанного, преемственного (не разорванного дискретно) процесса генезиса II и III (настоящей, изучаемой) стадий развития данного объекта, с показом выхода на первое место одних и ухода (ослабления действия) других движущих сил этого процесса. Таким образом, некое **данное** состояние изучаемого объекта может в рамках используемой теоретической модели интерпретироваться **только как непосредственное продолжение содержательно определенных тенденций развития этого объекта** (системы), выявленных в ходе интерпретации в данной модели I и II стадий его развития.

То же справедливо и для анализа «типологически сходных» объектов.

Модель, в которой нельзя описать иную, чем данная, стадию развития, переход к ней и от нее, не может быть признана достаточной. Недостаточность данной теоретической модели может быть результатом ее **внутренне необъясненного** (с собственной точки зрения) противоречия с интерпретируемым материалом (т. е. с тем его «фактическим» представлением – «знанием» – в обществе, что показывает его рефлексивный уровень включенности в систему социальной деятельности). Но чаще это результат **недостаточной внутренней сложности** и содержательного богатства данной теоретической схемы, вынуждающей описывать иные стадии развития (или типы) через экстенсивное добавление внутренне чуждых содержательных элементов. Первичная интерпретация изучаемого состояния «в лоб», непосредственно, с помощью не прошедшей указанной процедуры схемы, имеет смысл лишь в качестве **первичного от-граничения изучаемой данной стадии от предшествующей**.

Литература

1. Бельская Ю.В. Гносеологические основания реконструкции картин экономической реальности в классической и неклассической науке // Казанская наука. – 2014. – № 9. – С. 67–69.
2. Вальдман И.А. Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы // Философия образования. – 2009. – № 1. – С. 44–51.
3. Ерагов Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 591 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
6. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.

REFLECTING THE HISTORICAL DYNAMICS OF A SOCIETY AS THE BASIS OF SOCIOCULTURAL COGNITION

I.A. Valdman

Novosibirsk State Technical University

veritasnostra@mail.ru

In this article the problem of reflecting historical dynamics of a society in modern humanitarian knowledge is discussed. The author shows, that in the modern humanitarian knowledge the tendencies to imitate the cognitive activities are widely presented that is reflected in the reduction of real conceptual and logical complexity of theoretical descriptions of social phenomena. This reduction is generated, among other things, by actual ignoring the principle of historicism in characterizing the studied objects. First of all, with such an approach the qualitative variability of social phenomena is ignored. To reveal the qualitative variability of social phenomena is possible on the basis of special reflection of their historical dynamics. The paper proposes a method to overcome such imitative trends in the consistent implementation of sociocultural cognition on the basis of the principle of historicism. According to this principle any phenomenon should be described theoretically in the whole process of its own internal development. Any social object at every moment of its existence is the result of its own genesis. That is why the consistent categorical description of dynamics of its development as a quality formation through internally irreducible to one another stages would really implement the cognitive principles, declared in the sociocultural approach. The proposed solution is constructed on the basis of socio-philosophical reflection of the historical cognition characteristics of a society as a dynamic system.

Keywords: historicism, historical dynamics, sociocultural cognition.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-81-86

References

1. Belskaya Yu.V. Gnoseologicheskie osnovaniya rekonstruktsii kartin ekonomicheskoi real'nosti v klassicheskoi i neklassicheskoi nauke [Epistemological grounds of reconstructing pictures of economic reality in classical and non-classical science]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2014, no. 9, pp. 67–69. (In Russian)
2. Valdman I.A. Innovatsionnaya deyatelnost' i vozmozhnosti preodoleniya imitatsionnoi paradigmy [Innovative activity and possibilities to overcome the imitative paradigm]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of education*, 2009, no. 1, pp. 44–51. (In Russian)
3. Erasov B.S. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social cultural studies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 591 p.
4. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
5. Troeltsch E. *Istorizm i ego problemy* [Historicism and its problems]. Translated from German. Moscow, Yurist Publ., 1994. 719 p. (In Russian)
6. Fofanov V.P. *Sotsial'naya deyatelnost' kak sistema* [Social activity as a system]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 304 p.